

Бортникова Татьяна Геннадиевна

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья раскрывает причины и пути трансформации социокультурной ситуации в Веймарской республике. Автор рассматривает культурную жизнь Германии, осмысливая ее как динамично меняющуюся реальность в результате модернизации всех сторон общественной жизни. Объясняется актуализация проблем войны и мира, дисбаланса взаимоотношений человека и государства. Краткий обзор основных литературных направлений этого периода объясняет истоки синкретизма художественной литературы, а литература осмысливается как один из факторов качественных изменений ментальной структуры человека. Автор делает вывод о том, как популяризация определенных идей средствами литературного творчества становится основой национального мифа и актуализирует в менталитете немцев образ новой Германии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 29-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Барт Р.** Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 72-130.
2. **Карнаухов Д. В.** Исторический миф как феномен интеллектуальной культуры: опыт исследований польских ученых // Мифологические исследования. Новосибирск, 2005. С. 3-9.
3. **Лебедев С. Д.** Методология социологического исследования мифа [Электронный ресурс] // Соционавтика: интернет-журнал социальных дискурс-исследований. URL: http://socionavtika.narod.ru/printed/Methodo-logos/lebedev1_pr.htm (дата обращения: 01.10.2012).
4. **Левин-Стросс К.** Структурная антропология [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/stross_struktur_antrop.htm (дата обращения: 23.04.2014).
5. **Лосев А. Ф.** Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5-216.
6. **Неборский М.** Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5. С. 7-14.
7. **Рефуле Ф.** Миф и история [Электронный ресурс] // Символ 15/1986. URL: oleh-sj.com/B/B-9.html (дата обращения: 03.04.2014).
8. **Топорков А. Л.** Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс]. URL: www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm (дата обращения: 15.04.2014).
9. **Шнирельман В. А.** Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 66-71.
10. **Шнирельман В. А.** Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/shnirelman-1.htm> (дата обращения: 06.04.2014).
11. **Юнг К.** Психология бессознательного. М., 1994.

SUBJECT OF HISTORICAL MYTH

Borovkova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Rutisovsk Industrial Institute (Branch) of Polzunov Altai State Technical University
o.v.borovkova@gmail.com

In the article problems connected with the definition of such notions as “historical myth”, “subject of historical myth”, which do not presume a clear unambiguous definition owing to various reasons, are considered. The subject of historical myth is characterized by paradoxicality conditioned by singling out two types of the subject. Such classification is based on the internal and external perception of historical myth. The characteristic of the subject of myth “carrier” is given, the classification of historical myth based on external perception is suggested.

Key words and phrases: myth; historical myth; subject; historical science; myth creators; myth “carriers”.

УДК 008

Культурология

Статья раскрывает причины и пути трансформации социокультурной ситуации в Веймарской республике. Автор рассматривает культурную жизнь Германии, осмысливая ее как динамично меняющуюся реальность в результате модернизации всех сторон общественной жизни. Объясняется актуализация проблем войны и мира, дисбаланса взаимоотношений человека и государства. Краткий обзор основных литературных направлений этого периода объясняет истоки синкретизма художественной литературы, а литература осмысливается как один из факторов качественных изменений ментальной структуры человека. Автор делает вывод о том, как популяризация определенных идей средствами литературного творчества становится основой национального мифа и актуализирует в менталитете немцев образ новой Германии.

Ключевые слова и фразы: модерн; литературное пространство; Веймарская республика; литературный жанр; культура; миф; рационализация.

Бортникова Татьяна Геннадиевна, д. культурологии, профессор
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Tatyana_bort@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Романы Веймарской республики в контексте культуры кризисной эпохи»), проект № 14-04-00312.

Политические перемены, войны и социальные бедствия неизбежно влияют не только на жизнь, но и на мировоззрение человечества. Такими событиями мирового масштаба стали мировые войны XX в. Ценности,

жизненные ориентиры и принципы, которые в течение долгого времени казались незыблемыми, были поставлены под удар, а это в свою очередь привело к радикальному изменению духовного климата общества. Дж. Дьюи в «Реконструкции в философии» писал о том, что как проблемы и предмет философии вырастают из стрессов и напряжений общественной жизни, так и сферы культурной жизни отражают все социальные изменения и катастрофы [4].

Тревожность и пессимистическая неопределенность заставляла людей по-новому взглянуть на свою жизнь. Первая мировая война, которая принесла бедствия, нищету, голод, страх, болезни, не могла не подчинить своим интересам все сферы жизни, а значит, и культуры всех воюющих стран. Но война закончилась, и мирная жизнь начала диктовать свои законы, началась новая эпоха, одной из самых характерных черт которой явилась модернизация.

Как известно, термин «эра модерна» встречается уже у А. Тойнби [11], согласно которому следующая эпоха постмодерна началась после 1875 г. Но иногда эпоху модерна отсчитывают от Ренессанса, а конец ее связывают с сегодняшним днем, эрой постмодернизма. И хотя споры о «модерне» и «постмодерне», как и об их периодизации, не утихают до сих пор, а упреки в неопределенности и разноречивом толковании модерна – постмодерна разными авторами во многом справедливы, главным, на наш взгляд, является реализация этими эпохами постоянного и ускоряющегося обновления. Будь то рост индустриализации или нарастающая дифференциация деятельности: от разделения труда до возрастающего разнообразия функций и социальных ролей – все это, в конечном счете, воплощается в преобразование окружающего мира и самого человека. Социальные институты дифференцируются и разрастаются, а интеллектуальная сфера обособливается и дробится. Но главное – происходит секуляризация знания. Опытное знание уходит от философии, а ценностные сферы обособляются от науки, морали, права и искусства.

Так, описывая развитие западной культуры и общества, Макс Вебер подчеркивал, что новые структуры общества создавались в результате институционализации целерационального хозяйственного и управленческого действия [2]. Теория модернизации стилизует веберовское понятие «модерн» как образец процесса социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении. Э. Дюркгейм и Дж. Г. Мид утверждали, что рационализированные жизненные миры создаются, скорее, посредством рефлексии традиций, утративших свою самобытность; посредством универсализации норм действия и генерализации ценностей. При этом ситуации «более широких возможностей» и коммуникативное действие от ограниченных контекстов посредством таких образцов социализации рассчитаны на формирование абстрактных Я-идентичностей подрастающего поколения [5; 7]. Наиболее полный дискурс о модерне вносит Ю. Хабермас, который одним из первых привел в систему разрозненные идеи и умонастроения и возвел их истоки к понятиям и формулам. Инициатором спора о модерне – как эпохе «нового времени» – Хабермас считает Гегеля, который в качестве специфических черт выделил и подчеркнул «беспокойство», внутреннее брожение, быструю динамику, непрерывность преобразований и рождения нового; силу дифференциации и обособления (*Macht der Entzweiung*), диалектически синтезированной с силой объединения, интеграции (*Macht der Vereinigung*) [12]. Хабермас справедливо отметил, что Гегель открыл принцип нового времени – принцип субъективности, из которого он объясняет, как преимущества современного мира, так и его кризисный характер [Там же, с. 27].

В чем же усматриваются особенности этой эпохи? Суммируя характеристики, которые в литературе встречаются чаще всего, следует отметить различные виды модернизации. И это не только индустриализация, о которой говорят чаще всего как о самой существенной черте модерна. Модернизация, как уже было отмечено, воплощается в нарастающей дифференциации деятельности, в невиданном разнообразии разделения труда, функций и, конечно, социальных ролей. Естественно, что оборотной стороной этого процесса является необходимость координации, концентрации и интеграции дифференцирующейся деятельности. Именно в этой системе и развивается инструментальная рациональность, при которой процедуры и методы человеческого разума превращаются в максимально точные инструменты познания и преобразования окружающего мира и даже самого человека. Такой институциональной дифференциации соответствует дифференциация интеллектуальная: когда происходит обособление тех сфер, которые раньше существовали в единстве. И, наконец, самым важным обособлением является секуляризация знания, его отделение от религии и теологии. Опытное знание отделяется от философии, а ценностные ориентации – от науки, права и искусства. Таким образом, религиозная жизнь, государство и общество, равно как и наука, мораль и искусство, превращаются в модерне в соответствующие воплощения принципа субъективности.

Культ науки и рациональность по отношению к природе понималась как господство и контроль человека и человечества над природой. А рациональность, обращенная к социальной сфере, оборачивалась, соответственно, господством власти над человеком и обществом. Считается, что поставленный во главу угла «тотальный миф прогресса» сам породил бесчисленные социальные мифы и утопии, расплатой за которые явилась угроза тотального уничтожения земной цивилизации.

К началу XX века рационализм своеобразно отразился на общественной жизни: с одной стороны, рационализация в промышленности способствовала дальнейшему ускорению в техническом прогрессе (и его воздействию на человека), а с другой – практицизм и утилитаризм вторгся в сферу человеческих отношений, сделав их своей основой.

Причины, смысл и масштабы кризиса, переживаемого человеческим сознанием в тот период, обсновывались многими философами. Об апокалипсическом характере начала XX века писал также русский философ Н. Бердяев: «Много кризисов искусство пережило за свою историю. Переходы от античности

къ средневековью и отъ средневековья къ возрождению ознаменовывались такими глубокими кризисами. Но то, что происходит съ искусствомъ въ нашу эпоху, не можетъ быть названо однимъ изъ кризисовъ въ ряду другихъ. Мы присутствуемъ при кризисе искусства вообще, при глубочайшихъ потрясенияхъ въ тысячелетнихъ его основахъ» [1, с. 3]. Далее он отмечает: «То, что происходитъ съ миромъ во всехъ сферахъ, есть апокалипсисъ целой огромной космической эпохи, конецъ стараго мира и преддверие новаго мира... Въ поднявшемся мировомъ вихре, въ ускоренномъ темпе движения все смещается съ своихъ мѣстъ, расковывается стародавняя материальная скованность. Но въ этомъ вихре могутъ погибнуть и величайшия ценности, можетъ не устоять человекъ, можетъ быть разорванъ въ клочья. Возможно не только возникновение новаго искусства, но и гибель всякаго искусства, всякой ценности, всякаго творчества» [Там же, с. 23]. Понятие Апокалипсиса появится и в книге мемуаров С. Цвейга: «Все бледные кони Апокалипсиса пронеслись сквозь мою жизнь...» [13, с. 39]. Осознание коренныхъ изменений, как видим, становится почти неотъемлемымъ атрибутомъ мемуаров, философскихъ произведений, авторы которыхъ пытались найти ключъ к катастрофическимъ процессамъ начала XX века.

Веймарская республика является именно тем феноменом, сама история которого показала нам, какова цена качественныхъ изменений ментальной структуры человека, а литература наиболее глубоко и рельефно отразила их радикальность.

Исследуя модели сознания немецкого модерна, П. Слотердаjk писал: «... в наивысшихъ достиженияхъ веймарской культуры еще выказываетъ себя, несмотря на все, что произошло, великая близость къ высокимъ ценностямъ и идеаламъ метафизическихъ традиций, крахъ которыхъ находитъ великое выражение в тысяче смелыхъ и свежихъ агрессивныхъ попытокъ избавления отъ иллюзий и разрушения устоявшагося. Кинические и цинические элементы мы обнаруживаемъ почти во всехъ прогрессивныхъ эстетикахъ этого времени, не говоря уже о мелкобуржуазномъ феномене освобождения отъ всехъ тормозовъ на солдатско-политическомъ уровне (фашизм). Среди продуктивныхъ умовъ эпохи было немало такихъ, которые взяли на себя трудъ выразить свои разочарования, свою иронию и насмешку, свою новую великую холодность в атакующихъ формахъ искусства. Они соиздали такой выразительный языкъ, в которомъ негативизмъ и современность, несчастье и осознанное желанiе быть современникомъ стали почти идентичны» [9, с. 436].

Отказавшись отъ традиции философского умознания и политизации художественной мысли какъ пути преодоления умозрительной отвлеченности, художественное творчество Веймарской республики ощутило на себе влияние Шопенгауэра, Ницше, а также учения Бергсона, психоанализа Фрейда и Юнга. Формирование новаго пониманiя жизни и человеческой личности повлияло и на самъ проектъ «искусство модерн» в литературе периода Веймарской республики.

Литература этого периода представляетъ собой конгломератъ различныхъ течений. До середины 1920-х годов в немецкой литературе продолжается «экспрессионистское десятилетие». Продолжаютъ свой творческий путь крупнейшия немецкие авторы – Томас Манн, Герман Гессе, развивающiе присущую немецкой литературе традицию интеллектуализма в художественномъ творчестве. С середины 1920-х годов в литературе Веймарской республики развивается течение, известное какъ «Новая вещественность» (Neue Sachlichkeit), которое пыталось создать свою мистифицированную модель кристаллически-четкаго мира и тем самымъ преодолеть отчужденность отдельной личности отъ бездушной, механистической действительности современной жизни. Это направление удивительнымъ образомъ сочетало реалистическое отраженiе действительности с проявлениемъ черт авангарднаго искусства¹.

В первую очередь следуетъ сказать о бунте во имя демократизации элитарнаго искусства. Какъ пишетъ исследователь этого периода О. А. Дронова, в «новой вещественности» «наблюдается смена сформировавшейся в период романтизма и развивавшейся в модернизме парадигмы искусства, какъ сферы творческой свободы и автономии художника» [3, с. 499]. В силу этого «новая деловитость» представляетъ собой «разительный контрастъ с модернистской культурой, ориентированной на усложненные художественныя формы, доступныя подготовленному реципиенту» [Там же]. Конечно, среди множества авторовъ рассматриваемой эпохи были и те, которые настаивали на углублении искусства для искусства. И все же главной тенденцией былъ курс на расширение аудитории. Один изъ лидеров авангардизма Ван де Вельде в своихъ мемуарахъ проводилъ мысль о томъ, что искусство нужно создавать для народа и поэтому нужно отвергать все, что предназначено только для кого-нибудь одного [19].

Идея ответственности искусства передъ обществомъ, просвещенческая миссия одушевляли различныхъ писателей. Общественно-политическая дискуссия по проблемамъ войны и мира оказалась в центре вниманiя немецкой литературы Веймарской республики. Ее значительная часть носила антивоенный характеръ, подчеркивая бессмысленность огромныхъ разрушений, жертвъ и страданий людей на фронте и в тылу. В центре вниманiя были книги писателей, многие изъ которыхъ сами участвовали в военныхъ действияхъ. Наиболее значительными являются романы Эриха Марии Ремарка (1898-1970 гг.): «На Западномъ фронте безъ переменъ» (1929 г.), Людвигъ Ренна (1889-1979 гг.): «Война» (1928 г.), «После войны» (1930 г.) и другие. Антивоенное направление уделяло основное вниманiе простымъ немецкимъ солдатамъ, испытывающимъ на себе все ужасы войны: бомбардировки, артиллерийские обстрелы, газовые атаки, рукопашныя схватки. Они постоянно видятъ смерть своихъ товарищей и уже не испытываютъ страха за собственную жизнь. Авторы этого направления показывали какъ у этихъ простыхъ солдатъ постепенно пробуждается чувство вины за все, что происходитъ на войне.

¹ Одним изъ его яркихъ представителей является Макс Рейнхардт, возглавлявший в начале 1930-х годов Немецкий театр в Берлине. Рейнхардт всегда стремился реформировать немецкое театральное искусство, потому что никогда не понималъ натурализма, педантичной имитации человеческого поведения на сцене и былъ экспериментаторомъ. Он экспериментировалъ со светомъ, музыкой, шумами, декорациями, с размерами и видами сцен.

Радикально-противоположное осмысление истории кайзеровской Германии и опыта прошедшей войны также нашло отражение на страницах немецкой литературы: Ханс Фридрих Блунк (1888-1961 гг.), Ханс Гримм (1875-1959 гг.) и др. Их герои продолжали преклоняться перед прусскими военными традициями, так и не расставшись с мечтой о мировом лидерстве. Война осмысливалась ими как жизненная необходимость, как освобождение Германии от устарелых догм Европейской культуры.

Вопреки разным политическим взглядам писателей, характерным для всех направлений, была актуализация проблем: войны и мира; взаимоотношений человека и цивилизации (влияния научно-технического прогресса на жизнь общества); осознания дисбаланса взаимоотношений человека и государства, а также стремление сохранить человеческое в самом себе. Поиск решения этих проблем и породил в общих чертах социокультурные предпосылки новой ментальности.

Следует отметить, что середина 1920-х гг. – пик расцвета романного жанра. Сюда можно отнести и интеллектуальный роман (Томас Манн «Волшебная гора», Герман Гессе «Степной волк»), и исторический роман (трилогия Генриха Манна «Империя»), и социально-психологический роман (Альфред Дёблин «Берлин, Александерплац», Ханс Фаллада «Крестьяне, бонзы и бомбы»). Демократизация литературы вызвала коренные изменения форм, хотя элитарное искусство по-прежнему не утратило своей популярности. Вместе с тем язык литературного творчества для народа «требовал» вопреки отказу эпохи модерна от поддержки старых традиционных литературных форм, сохранения немецкой культуры как этнической приверженности к традиции в широком смысле слова¹. Отсюда получает развитие один из первых, объединяющих обе культуры, принципов – синкретизм. Происходит слияние различных видов и жанров, наблюдается синкретизм мышления, а сочетание естественнонаучного натурализма с психологическим реализмом творит гибридов в буквальном смысле слова. И все «имморализмы» по выражению Слоттердейка начинают проникать в коллективное сознание, а «тайны мира» (реальной политики, дипломатии, генеральных штабов, тайных служб, организованной преступности, проституции и секретов промышленных корпораций) выволакиваются на свет с яростным стремлением докопаться до истины.

Провозглашенная еще родоначальниками протестантизма идея персональной свободы сделала центром своей доктрины личную (без посредников в лице служителей церкви) связь человека с Богом и дала важнейшее религиозное обоснование индивидуализму. Теперь индивид протестантизма получил непосредственную личную ответственность перед Богом за свою жизнь и одновременно – право неограниченной деятельности в этом мире на основании собственного личного понимания божественной воли. Но юридический казус о том, что свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого, явился своеобразным обоснованием концепции защиты политических и экономических свобод и собственности индивидов государством. Ведь еще А. Смит в своей «Теории нравственных чувств» сформулировал моральные и поведенческие требования к тому «обществу индивидов», в котором эффективный баланс достигается благодаря «невидимой руке рынка» [10]. Однако в концепции нового времени государство уже не только защищает индивидов и общество от нарушений законов и внешних угроз, но и ограничивает активизм индивидуальных волей определенным «руслом» и тем самым способствует суммированию результатов активности индивидуальных волей в общем историческом потоке прогресса. А идея личной свободы получает свое дальнейшее развитие. И Фридрих Ницше, начинавший с развития идей Шопенгауэра, далее пошел своим собственным путем. Ницше отрицал ценность жизни и волю к ней как ведущий человеческий инстинкт и оправдывал воинствующий индивидуализм «героя», презирающего жизнь и смерть, его «волей к власти» [8].

Наследуя все эти идеи, Художнику периода Веймарской республики следовало определиться – или раскрыть духовный мир человека через природу, или через персональный Абсолют. А провозглашенная концепция искусство в массы подразумевала в свою очередь преобладание холистских картин мира, в которых личность виделась чем-то преходящим и призрачным. В результате натурализация оборачивалась обезличиванием человека, превращением его в «звено» общей цепи, именуемой Государство.

Модель новых миров создавала и фантастика, которая служила инструментом для популяризации научных идей, фундаментальных открытий и технических изобретений. Возможно, авторы этого вида прозы были так увлечены перспективами самих открытий, что в их произведениях людей заменяли абстрактные бесчувственные фигуры, живущие в идеализированных мирах вселенной. Извечны споры о том, насколько такое упрощение приемлемо в подлинном искусстве прозы, однако фантастика популяризировала науку и наглядно показывала обывателю, в каком мире ему предстоит жить и, возможно, в ближайшем будущем. Особый интерес фантастика вызывала у молодежи. Как известно, многие из великих ученых и инженеров позже признавались, что к гениальному озарению их привела фантастика, прочитанная в юности. Такой самоподдерживающийся динамичный процесс тоже присущ модерну: новые идеи и открытия порождают новые фантастические романы, а те, в свою очередь, порождают новые открытия.

Конечно, традиция фантастической литературы была не нова и до Веймарской республики. Она берет свое начало еще с книг И. Кеплера и Э. Киндермана, а затем К. Лассвица. Здесь, конечно, перечислены не все писатели Германии, обращавшиеся к этому жанру. Важно то, что для немцев фантастика была вполне знакомым и даже почетным жанром, так как к нему обращались столь именитые ученые с богатой фантазией, стремясь таким образом продвинуть свои идеи и «опередить» время. Эти примеры подтолкнули многих немецкоязычных авторов также обратиться к фантастической литературе. И именно в Веймарской республике немецкая фантастика достигла наибольшего расцвета. Среди них следует в первую очередь упомянуть П. Тиме, К. А. фон Лаффета, О. Гейля, Г. Доминика, Б. Бюргеля.

¹ Под традицией в широком смысле слова мы понимаем образ жизни этноса, как в ипостаси ментального восприятия мира, так и в его проявлении в обыденной культуре.

Следует отметить, что помимо популяризации научных идей эти романы несли и авторские взгляды на современную действительность и Германию. Так, в романе П. Тиме «Полет к Солнцу», опубликованном в 1926 году, рассказывается об открытии немецкого инженера, позволяющем уменьшать вес тел с помощью сильного магнитного поля и неких «лучей», парализующих работу магнето двигателей. И хотя история не терпит сослагательного наклонения, но благодаря именно этим изобретениям Германия в романе П. Тиме получает явное военное преимущество перед другими европейскими державами, отменяется Версальский договор, а страна обретает «господство» над врагами [18]...

«Мировой пожар» Карла Августа фон Лаффета был опубликован в том же году в немецком журнале «Daheim». Время действия отнесено на тридцать лет вперед. Во главе земного шара Комиссия лиги мира, в которой участвуют представители всех государств, кроме большевистской России (ее владения находятся в пределах Дальнего Востока). Идеи автора невольно переключаются с идеями преодоления дисбаланса человека и государства в аспекте пан-Европейского видения мира [6]. Лига мира разместила на орбите так называемую «Эфирную станцию», где живут инженеры, управляющие при помощи громадных зеркал климатом Земли. Сообщение между станцией и Землей поддерживается при помощи космических кораблей. Когда один из них в результате вынужденной посадки был захвачен диктатором большевиков Колуминым, большевики лелеют зловещий замысел полететь на эфирную станцию, чтобы овладеть ею и захватить власть над Землей. И хотя полет состоялся, попытка захвата станции не удалась. В это время необычно сильное «извержение» на Солнце вызвало мировой пожар всей средней полосы земного шара (за исключением полярных областей). В огне гибнут миллионы людей. Немного лучше обстоит дело в Европе, которая при помощи эфирной станции прикрывается слоем облаков. После пожара главный герой романа Вестеркампф (командир немецкого межпланетного корабля) овладевает эфирной станцией, и Германия благодаря его решительным действиям становится во главе Лиги мира [17]. И хотя этот роман раскрывает футуристические фантазии автора, главным является также попытка возвращения Германии ее могущества, пусть только и через 30 лет.

Более динамичными и одновременно менее пафосными являются романы Отто Гейля «Выстрел во вселенную» и «Лунный камень». Герой дилогии немец Август Корф в ракете исполинских размеров (Герион) с экипажем из десяти человек благополучно преодолевает не только все технические преграды по пути на Луну, но и вполне мирно решает проблему противостояния с конкурентами: его «оппонент» Сухинов скрывается в пространстве, а разведчица Наталья Скорина раскаивается в своей деятельности. Раскаяние Натальи и ее любовь к немецкому инженеру покоряет его сердце. Корф прощает ее и благополучно спускается на Боденское озеро. Вторая книга также полна приключений и повествует о создании межпланетного общества и путешествии на Венеру. Но эти романы уже лишены ностальгии о военном могуществе Германии и ее власти над миром [16].

Темы космоса затронуты также в романах Ганса Доминика «Наследие уранидов» (опубликован в 1928 году) и Бруно Бюртеля «Звезда Африки» (вышел в 1921 году). В этой связи следует отметить, что тема космических путешествий была одной из основных, но далеко не единственной в произведениях немецких фантастов периода Веймарской республики. Большой популярностью пользовался целый поджанр, так называемый «Zukunftsroman». И хотя уровень этих произведений не всегда был высок, они расходились миллионными тиражами. Объединяло все эти произведения одно – в них воспевался немецкий инженер – человек, способный повлиять на будущее, сделать нищую униженную Германию богатым процветающим государством [15].

Так, лозунг «искусство в массы» способствовал популяризации определенных идей, ставших основой национального мифа. Эти идеи актуализировали в мыслительных конструкциях немцев образы и прежние образцы толкования имперской политической культуры, которые впоследствии были использованы для открытого протеста против культурно не легитимированной республики.

Таким образом, организация нестабильного пространства Веймарской республики осуществлялась не только через политику, но и через механизмы культуры и искусства, в частности, литературы. А ценности, как ядро культуры, находили свое отражение в образах литературных героев. Аксиологические идеи облекались в символы и образцы поведенческих стереотипов, закреплялись в ритуалах, нормах мотивах их поступков, облегчая редукцию действительности и процесс поиска коллективной идентичности для ее рядовых носителей. Потрясающий немцев опыт поражения в Первой мировой войне вытеснялся в глубинные структуры коллективной памяти во имя создания новой процветающей Германии.

При стремительной трансформации экономических и политических структур, разрушении традиционных ценностей литература Веймарской республики проявила несомненную готовность следовать логике национальных мифологем о «Великой Германии», подготавливая читателей стать их активными реципиентами. Миф об этом величии стал способом конструирования национально-авторитарного характера литературного пространства Веймарской республики. Именно он стал устойчивой структурой преемственности, подготовившей менталитет ее граждан для перехода от республики к диктатуре.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Кризис искусства. Репринт. изд-е. М.: СП Интерпринт, 1990. 48 с.
2. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М.: ИНИОН РАН, 1985. С. 22-189.
3. Дронова О. А. Роман Эрика Регера «Союз крепкой руки»: между литературой и публицистикой // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. науки РФ; Рос. Акад. наук; Ин-т языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; Росс. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН. С. 498-504.

4. Дьюн Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. М.: Республика, 2003. 494 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послеслов и примеч. А. Б. Гофмана. Серия «История социологии в памятниках». М.: Канон, 1995. 352 с.
6. Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа / отв. ред. Е. Айзпурвит. М.: Вита Планетаре, 2006. 120 с.
7. Мид Дж. Г. Избранное: сб. переводов / РАН; ИНИОН; Центр социал. научн.-информ. Исследований; Отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. 290 с.
8. Ницше Ф. В. По ту сторону добра и зла. Харьков: Фолио, 2013. 448 с.
9. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. 584 с.
10. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 352 с.
11. Тойнби А. Дж. Исследование истории: в 3-х т. / пер. К. Я. Кожурина. СПб.: Изд-во СПб ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006.
12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
13. Цвейг С. Вчерашний мир: воспоминания европейца / пер. с англ. М.: Радуга, 1991. 544 с.
14. Burgel V. Der Stern von Afrika. Berlin, 1921.
15. Dominik H. Das Erbe der Uraniden. Berlin, 1928.
16. Gail O. W. H. Hardts Mondfahrt. Stuttgart – Berlin – Leipzig, 1928.
17. Laffert K.-A. Weltenbrand // Daheim. 1926. № 27-37.
18. Thieme P. Der Flug zur Sonne. Ein Buch von Deutschlands Zukunft. Brandenburg: Verlag von J. Wiesike, 1926. 286 S.
19. Velde H. van de. Geschichte meines Lebens / ed. H. Curjel. München: R. Piper & Co Verlag, 1962.

SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF LITERARY SPACE OF THE WEIMAR REPUBLIC

Bortnikova Tat'yana Gennadievna, Doctor in Culturology, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Tatyana_bort@mail.ru

The article reveals the reasons and ways of the transformation of sociocultural situation in the Weimar Republic. The author considers the cultural life of Germany comprehending it as dynamically changing reality as a result of the modernization of all sides of public life. The actualization of the problems of war and peace and the imbalance of mutual relations between a human and the state are explained. A brief review of the main literary schools of this period explains the origins of syncretism in fiction and literature is comprehended as one of the factors of the qualitative changes of the mental structure of a human. The author concludes that the popularization of certain ideas by means of literary creativity becomes a basis for national myth and actualizes the image of new Germany in the Germans' mentality.

Key words and phrases: art nouveau; literary space; the Weimar Republic; literary genre; culture; myth; rationalization.

УДК 32; 327.5

Политология

В статье рассматривается процесс переориентации внешней политики Боливии на современном этапе. Автор проводит анализ исторических предпосылок и событий, взаимосвязанных с расстановкой сил на Южноамериканском континенте. Раскрываются внешнеполитические связи боливийского государства, характеризуется трансформация политических процессов Латиноамериканского региона.

Ключевые слова и фразы: Латинская Америка; Боливия; левый поворот; переориентация; внешняя политика; умеренная ось; радикальная ось.

Ващенко Юлия Викторовна

Воронежский государственный университет
julievaschenko@mail.ru

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БОЛИВИИ[®]

Боливия – страна, которая названа в честь Симона Боливара, освободителя Южной Америки от колониального господства, по-прежнему остаётся одним из самых бедных государств в мире. Боливийский пример – наиболее яркое свидетельство неоднозначности «левого поворота» [2, с. 28] Однако, республика, перенёсшая самое большое количество политических переворотов, с начала XXI века получила толчок к новому этапу развития и переменам как во внутренней, так и во внешней политике.

С 2006 года после прихода к власти левого правительства первого индейского президента Эво Моралеса (исп. – *Evo Morales*) внешняя политика Боливии переживает период глубоких изменений. Если в 1990-х гг. подчёркивался образец открытой экономики, которая по большому счёту следовала интересам других государств, в основном североамериканской и бразильской сверхдержавам. В настоящее время все чаще и отчетливее становится изменение направления вектора внешней политики многонационального государства